

Словацкий рассказ 1960–1970-х гг. (взгляд из 2000-х)

Выбор периода и ракурса рассмотрения данного материала словацкой прозы обусловлен размышлениями по поводу первоначальной темы кандидатской диссертации, над которой автор начал работать в далеком 1973 г., поступив в аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР, в тогдашний сектор славянских литератур, которым руководил С.В. Никольский. В дальнейшем тема трансформировалась и уточнялась, однако основные проблемы и круг писателей, чье творчество оказалось в центре литературного развития второй половины XX в., сохранили свою значимость и актуальность.

Рубеж 1950–1960-х гг. был временем политической «оттепели», либеральных настроений и надежд на реформы, поиска нового, «человеческого» лица в политике и культуре. Одним из наиболее заметных явлений этого периода в литературе стал приход в нее новой волны молодых поэтов и прозаиков. Первые книги молодых явились своего рода внутренней литературной полемикой с предшествующим поколением писателей. В стремлении преодолеть рутину соцреализма молодые авторы обращались к новым темам современной будничной жизни, к нравственным проблемам своих сверстников. Картина словацкой прозы в 1960-е гг. изменилась и в жанровом отношении. Для большинства молодых авторов, особенно на начальном этапе, малые жанры, и

в первую очередь – рассказ, стали формой наиболее адекватного самовыражения.

Критика того времени увидела и оценила их новаторство, особенно очевидное на фоне крупных эпических произведений конца 1950-х. Ю. Ногге замечал: «Молодая словацкая проза в большей своей части – это не литература “больших тем”»; «прозаики предлагают читателю не масштабные концепции, а то, что есть в них самих, что они знают – свое детство, хороший и печальный опыт своей молодости, мечты, иллюзии и разочарования»¹. «Ставшая уже затертой фраза о человеке как главном объекте искусства становится реальностью лишь теперь, в произведениях этих молодых прозаиков, – подчеркивал Я. Штевчек, – они исходят из более субъективного и углубленного видения действительности»².

Особенно отчетливо видятся специфические черты героя молодой прозы в сопоставлении с крупными произведениями социалистического реализма 1950-х – начала 1960-х гг. Так, В. Петрик отмечал стремление молодых «показать человека изнутри, в его естестве – в отличие от авторов прежних книг, где человек трактовался в первую очередь как представитель своей социальной группы»³. Еще более развернуто проводит такое сопоставление критик М. Гамада, ровесник и соратник молодых

¹ *Nogge J.* Literatúra v pohybe. Bratislava, 1968. S. 192.

² *Števček J.* Od literatúry k poznaniu // Kritika 64. Bratislava, 1965. S. 183.

³ *Petrík V.* Hľadanie prítomného času. Bratislava, 1970. S. 108.

писателей, рассматривая в качестве примера лишь одну из книг: «Если большинство наших прозаиков среднего поколения представляет человека как существо общественное и нередко сводит его характеристику к социально-политической составляющей, то Йоганидес сосредоточивается только и исключительно на человеке как существе частном, носителе определенного психофизического содержания»⁴.

Выступления М. Гамады вызвали ответную реакцию крупнейшего представителя упомянутого им тогдашнего «среднего» поколения – В. Минача. На страницах литературной периодики между ними завязалась острая полемика, по самому своему характеру не оставлявшая надежд на сближение позиций, поскольку проблемы молодой литературы рассматривались с разных точек зрения. В. Минач был убежден в чужеродности нового видения человека в произведениях молодых авторов, подверженных, по его мнению, влиянию модных течений западной литературы.

М. Гамада воспринимал этот спор как принципиальное столкновение позиций двух поколений и даже двух идеологий. «В действительности речь идет о новом и ином мировосприятии моего поколения, – писал он в статье «Не за экзистенциализм – за экзистенцию человека!», – фатализм или вера Минача в то, что история неотвратимо движется к оптимистическому разрешению, никак не удовлетворяет наше поколение <...> Этический аспект

⁴ *Hamada M. V hľadání významu a tvaru.* Bratislava, 1966. S. 186.

мы воспринимаем как в высшей степени политический, и то, что иные считают всего лишь исторической ошибкой, мы называем деградацией человечности⁵.

Многие из начинавших свой творческий путь в 1960-е гг. остались в литературе надолго, составив ее основу, центральный и наиболее плодотворный идейно-художественный фундамент. Их творческие и человеческие судьбы складывались впоследствии по-разному, однако уже дебютные книги стали для каждого не только визитной карточкой, но и серьезной заявкой на свой особый путь в словацкой прозе XX в. О новизне творческого мировосприятия молодых говорили сами названия их первых книг: «Мечта приходит на станцию» (1961) А. Гикиша, «Нейлоновый месяц» (1961) Я. Блажковой, «Там, где пьют радуги» (1962) А. Худобы, «Личное» (1963) Я. Йоганидеса, «Дом для живых» (1963) П. Балги, «Последние» (1963) Й. Кота, «Послеполуденный отдых на террасе» (1963) П. Яроша, «Не аплодируйте на концертах!» (1964) В. Шиккулы, «Вернется некто другой» (1964) Д. Кужела, «Нарцисс» (1965) Р. Слободы, «Воспитание чувств в марте» (1965) П. Виликовского, «Путь на морское дно» (1966) Я. Ленчо, «Документы о видах» (1966) П. Груза, «Бегство на зеленый луг» (1967) Л. Баллека и др.

Одной из первых книг молодого поколения стала новелла Антона Гикиша «Мечта приходит на станцию». «Производственный»

⁵ *Hamada M. V hľadání významu a tvaru. S. 237.*

сюжет еще вполне соответствовал критериям социалистического реализма, однако служил во многом лишь фоном для раскрытия отнюдь не одномерных характеров. Герои Гикиша – люди неуспокоенные, часто страдающие, кто – от старых душевных ран, оставленных войной, кто – от неразделенной любви, кто – от страха перед настоящим. Новизну в характеристике персонажей вносило использование автором разных форм внутренней речи, а также средств монтажа, экспрессивной разбивки текста.

Своего рода феминистский экспрессионизм демонстрировала в своей прозе 1960-х гг. Ярослава Блажкова. Молодая героиня ее дебютной книги «Нейлоновый месяц» чувствует и действует вне общепринятых шаблонов. Ее стихия – естественность и свобода, яркость и индивидуальность; новелла изобилует гиперболами и экспрессивными образами.

Опубликованный в 1963 г. сборник Яна Йоганидеса «Личное» вызвал большой интерес и читателей, и критики. Уже в самом названии заключался полемический настрой: ведь идейная направленность литературы тех лет предполагала главенство коллективного, социального начала. Непривычными были и пессимистическая тональность, и подробные углубленно-психологические описания душевного состояния человека, и сам способ повествования.

Жизнь современного молодого человека в большом городе – предмет изучения Петера Яроша в новелле «Послеполуденный отдых на террасе». В прихотливом развитии сюжета, в склонности

к гротеску можно заметить черты, ставшие определяющими для его творчества.

Винцент Шикула заявил о себе в 1960-е сразу двумя книгами: в 1964 г. вышли его сборники «Не аплодируйте на концертах!» и «Может, я построю себе бунгало». Первый состоит из коротких рассказов, представляющих эпизоды из жизни солдат-новобранцев, которые оказались в непривычных условиях вынужденного коллективизма и жесткой дисциплины. Уже в этом дебюте писателя ощущался раскрывшийся впоследствии потенциал гуманиста и тонкого психолога. Во втором сборнике, наряду с фабульными рассказами, есть новеллы, выделяющиеся по стилю и композиции; среди них – баллада в прозе «Мандуля», ритмически структурированная, наполненная атмосферой таинственности и печали; в ней ощутимы идейно-художественные традиции словацкого натурализма с его психологизмом, вниманием к индивидуальному, к загадкам души человека.

Становится, таким образом, очевидным, что в молодой словацкой прозе 1960-х гг. малые жанры выполняли функцию первооткрывателя новых идейных концепций, новой поэтики. Сами они претерпевали при этом значительные изменения, модифицируясь в соответствии с художественными целями и творческой индивидуальностью писателей.

Радикальные изменения произошли в словацкой литературе в результате общественно-политических потрясений, после подавления реформаторского движения 1968 г. «Состояние в культуре

было настолько депрессивным, что большая часть среднего и младшего поколения ушла во внутреннюю эмиграцию. Об этом свидетельствует молчание на протяжении нескольких лет значительной части писателей (В. Шикула, Р. Слобода, Я. Йоганидес, П. Виликовский, А. Гикиш и др.). Постепенное возвращение началось лишь после 1975 г.»⁶. 1970-е гг. стали для словацкой литературы периодом переоценки прошлого и ухода от необходимости отражать действительность времен «нормализации».

Подъем исторической прозы со второй половины 1970-х гг. был связан и с потребностью соотнесения проблем национальной истории с настоящим. Писателями-«шестидесятниками» были созданы крупные прозаические произведения с тематикой недавнего или более отдаленного прошлого, разнообразные по проблематике, стилю, авторским стратегиям. В их числе трилогия В. Шикулы «Мастера» (1976–1979) и его роман «Матей» (1984); романы П. Яроша «Тысячелетняя пчела» (1979) и «Не видело ухо, не слышало око» (1984); романы Я. Йоганидеса «Конюх Марек и венгерский папа римский» (1983) и «Самая печальная оравская баллада» (1988), а также романы Л. Баллека «Помощник» (1977), «Акации» (1981), «Лесной театр» (1987), трилогия И. Габая «Колонысты» (1980–1986) и др. Проза «нового историзма» была явлением неоднородным как в идейно-художественном, так и в жанровом

⁶ *Marčok V.* Skreslenia a Pravda v doterajších pohľadoch na vývin slovenskej literatúry po roku 1945 // *Hvišč J., Marčok V., Bátorová M., Petrik V.* Biele miesta v slovenskej literatúre. Bratislava, 1991. S. 92–93.

отношении; среди произведений этих лет встречается и социальный роман (В. Шикула, П. Ярош, И. Габай), и психологический роман с элементами детектива (Я. Йоганидес), и роман-биография (А. Гикиш, В. Шикула).

Жанр рассказа, столь любимый «молодой прозой 60-х», надолго уступил свое ведущее место роману. Его новые образцы и новые формы мы увидим лишь в 1980-е гг., в пору постепенного ослабления идеологического давления на культуру и нарастания процессов, подготовивших в итоге «нежную революцию» 1989 г.